

***

Сторона бескрайняя –
глушь да белизна...
Нынче Пасха ранняя –
поздняя весна.
Теплоты немножко
в небе да в груди
намаши ладошкою,
Господи...

***

Дождя и ангела в дорогу.
Дорога мокрая – так что ж?
Езжай пораньше, понемногу,
не превышай – на то и дождь.

А после в воздухе высоком
под паволокой голубой
следящий ястреб или сокол
крыла расправит над тобой.

Но ты недоброю приметой
не почитай их зоркий труд —
то ангелы нас эстафетой
из клюва в клюв передают.

***

Где клонится, да коренится
поубавившийся народ,
речка Белая Холуница
земляные породы трёт.

Речка Чёрная Холуница
моет корни невдалеке...
Всё двоятся, чтоб сохраниться
на песке и на языке.

И, названиями не обманывая,
мимолётные с высоты,
затекают с Большою Малая
речки Белые под мосты...

Имена только, да навеяло —
не убавилось от потерь:
всея Малыя и Белыя —
и Великия по теперь...

***

По мольбе твоей или судьбе
на ожесточающем ветру
по тебе, живая, по тебе
руки мои сохнут поутру.

На пути недолгом, налегке
редко переходим для двоих,
губы мои сохнут вдалеке
от короткой щедрости твоих.

Но опять становится вода
в первородной дымке голубой
влагою телесною, когда
мы соединяемся с тобой.

Лишь глотком, закинутым рывком,
в пересохшей напрочь глубине
горло перехватывает ком
от восторга быть наедине.

***

От щедрого ливня и ветра,
привычных к ночному труду,
пионов тяжёлые ядра
упали в густую траву.

Но солнечный ливень ответный
сквозит из балконных окón,
как будто погром несусветный
привиделся сквозь полусон,
и электроточную будку
пометить калёным тавром
не целили молнии будто,
железо дробя над двором,
и, в лёгком сплетясь одеяле
на простынях чистого льна,
чудесное нечто проспали
мы, не отряхнув полусна,
и в полусомкнүтые веки
ещё не известную часть
в природе или человеку
опять опоздали прочесть...

Но выше прохладных резонов,
что, плотью живой горячи,

как тонкие стебли пионов,
мы не устояли в ночи.

***

Хочешь не хочешь – ступай за порог:
псу моему выходной ли, рабочий...
Утро холодное. Тёплый парок
овеществляется в пасти собачьей.
Солнце восходит при рыхлой луне –
скоро совсем до заката растает...
Азия стынет – иначе бы не
ветер её холодел в Казахстане.
Что Kazakhstan? Из такой же земли –
исполу мы олатинились тоже...

Дочери к дальнему морю ушли –
где нарыбелятся, чем подытожат?
Нечего спрашивать, кто разлучил –
сам от земной перемены немея,
речи иной их не ты ли учил,
странной любви передать не умея?
Вот и не рви на себе волоса –
в них без того не застрянет гребёнка...
Вот и осталось – выгуливать пса
утром и вечером, точно ребёнка.

***

В лете, погодой пегом,
невдалеке воды
по молодым побегам
лиственницы седы.

Над купиной палимой –
знойный калёный дух...
Это всё тополиный,
лишь тополиный пух.

Пекло – ещё не спелость.
На глубине глотка
песня ещё не спелась
до пустяка.

***

До настоящего романа
собой, увы, не доходя,
жизнь, точно повесть графомана,
оскальзывается, хотя,
когда, как юноша бездомный,
оказываешься в былом,
открыв бездомный многотомный
картонный или электронный
фотографический альбом,
где, оживая – помяните,
во испытание уму
кровят оборванные нити,
собравшиеся в бахрому –
от созерцания светлеешь,
как будто заново прочёл,
и ни о чём не сожалеешь,
не забывая ни о чём.